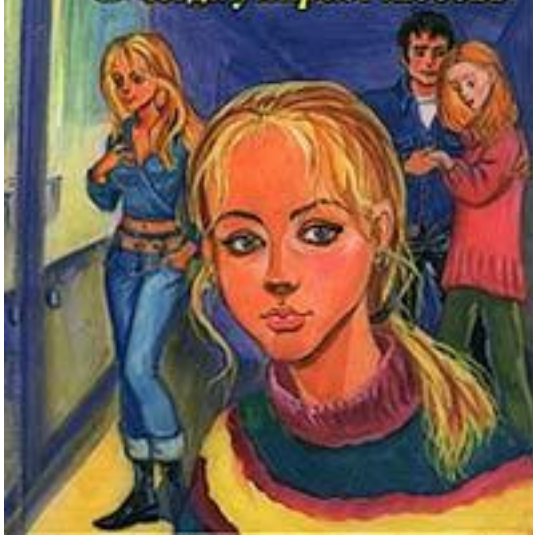

Школа в Ласковой Воле

Френсис Паскаль

Не все то золото, что блестит
Когда умирает любовь

Школа в Ласковой Долине

Фрэнсин Паскаль

Когда умирает любовь

1984

Паскаль Ф.

Когда умирает любовь / Ф. Паскаль — 1984 — (Школа в Ласковой Долине)

Популярнейшая серия «Школа в Ласковой Долине» рассказывает о приключениях сестер-близнецов Уэйкфилд из маленького американского городка. Сестры Элизабет и Джессика ссорятся и мирятся, влюбляются в одноклассников и мучаются от неразделенной любви, участвуют в веселых мероприятиях и попадают в опасные ситуации. Стивен и Трисия очень любят друг друга. Но неожиданно девушка становится холодна и равнодушна. Стивену открывается жестокая правда.

Содержание

1	5
2	10
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Фрэнсин Паскаль

Когда умирает любовь

Посвящается Эми Беркоуэр

1

– Стив, ты не хочешь поздороваться с любимой сестрой?

Джессика Уэйкфилд свалила свои учебники на кухонный стол. В ее больших, зеленовато-голубых глазах вспыхнуло любопытство, когда она увидела несчастное лицо старшего брата. Стивен, ссутулившись, сидел за столом, бессмысленно глядя в пространство, и помещивал кофе, который, верно, уже давным-давно остыл.

Он поднял глаза и сощурился, как будто видел ее впервые.

– А, привет... Джес, – произнес он так, словно ему понадобилось время, чтобы определить, какая же из двух близняшек перед ним.

«Ну и ну, что с ним случилось? Он даже не видит, с кем разговаривает!» – подумала Джессика.

Нельзя не признать, что внешне Джессика и Элизабет были похожи во всем: одинаковые золотистые выгоревшие волосы, ослепительная улыбка и тонкие черты лица. У обеих отличные фигуры и одинаковый шестой размер одежды.

А вместе – это как бы эталон американского очарования и беззаботности, возведенный в двукратную степень.

Однако внутренне они были совершенно разные. Неугомонная Джессика притягивала к себе неприятности, как магнит – железные стружки, в то время как более обстоятельная Элизабет тратила уйму времени, чтобы выпутаться из интриг сестры.

Но сейчас Джессике действительно беспокоил ее брат. Она опустила на стул рядом с ним:

– Что случилось? У тебя такой вид, будто умер твой лучший друг.

– Ничего, – буркнул Стивен.

Он перестал помещивать кофе и отложил ложку в сторону. Карие глаза его потемнели от грусти, волнистые каштановые волосы выглядели так, словно их давно не причесывали. Двухдневная щетина оттеняла его красивый волевой подбородок.

– Ничего! Каждый уик-энд ты бродишь по дому, как жертва Дракулы. Ты все еще переживаешь по поводу Трисии? Спорю, ты больше расстроен, чем она.

Ее действительно удивляло, что брат так переживает из-за разрыва со своей глупой подружкой, как будто она что-то из себя представляла. По мнению Джессики, Трисия Мартин была пустышкой. Нет, даже хуже. Семья Трисии пользовалась дурной репутацией в Ласковой Долине. И Джессике удивляло, что же такого он в ней нашел.

Она выхватила банан из вазы с фруктами и с раздражением содрала кожуру.

– Послушай, Джес, отстань, а? – Стивен бросил на нее сердитый взгляд, встал и вышел из кухни. Джессика заметила, что в глазах у него были слезы.

Немного погодя в кухню вплыла Элизабет, положила охапку книг и сняла свитер.

– Привет, Джес, – сказала она, направляясь прямо к холодильнику. – До смерти есть хочется. Сделаю себе бутерброд. Ты хочешь есть?

– Не очень, – ответила Джессика, запихнув оставшийся кусок банана в рот и оставив кожуру на столе.

Эти две девочки могли бы быть зеркальным отражением друг друга, только у Джессики волосы спадали на плечи, а Элизабет было удобнее собирать их сзади в хвостик.

И еще: повесы за рулем чаще притормаживали, оборачиваясь на Джессику в обтягивающих джинсах и кофточке-коротышке, и без эмоций проезжали мимо Элизабет в строгой вельветовой юбке.

– Лиз, ты видела Стива, когда входила? – спросила Джессика.

Элизабет намазывала на хлеб горчицу.

– Он выглядит ужасно, – продолжила она, не дожидаясь ответа. – Интересно, Трисия его окончательно бросила?

Джессике нравилось, когда жизнь разворачивалась по сценарию «мыльной оперы», особенно если она в ней играла главную роль. Но на этот раз главная роль досталась любимому старшему брату. Что ж, и это было неплохо.

– Разве я не говорила, что Стив слишком хорош для нее? Я всегда предупреждала, что от нее будут только одни неприятности, как и от всей ее мерзкой семейки. Мне кажется, это только доказывает мою правоту.

– Наш брат переживает. У него разрывается сердце, а ты только и думаешь, права ты или нет. Тебе что, наплевать на Стива?

– Конечно нет, – вспыхнула Джессика. – Я и раньше беспокоилась за него. Если бы он меня послушал, его отношения с Трисией не зашли бы так далеко. Ему надо было порвать с ней несколько месяцев назад.

– Я думаю, ты все не так поняла, – сурово сказала Элизабет. – Стив и не собирается с ней расставаться. Он безумно влюблен в Трисию.

– Да как он может? Это же унижительно. Мартины – это позор Ласковой Долины. Как наш родной брат допускает, чтобы его видели с особой из этой семейки? – Джессика вскочила, чтобы видеть лицо Элизабет, которая стояла по другую сторону кухонной стойки.

– Трисия хорошая, – возразила Элизабет, встретив пристальный взгляд сестры. – Она не такая, как вся ее семья.

– Если она такая уж хорошая, – Джессика подошла к стойке и взяла кусок сыра, который отрезала Элизабет, – почему она отвергает Стива?

Элизабет вздохнула.

«В этом Джес права – Трисия холодна со Стивом, – подумала она. – Не пришла на два свидания и, по словам Стива, была равнодушна и невнимательна к нему, когда им удавалось быть вместе. Странно, ведь раньше она была всегда так преданна ему».

– Не знаю, что с Трисией происходит, – сказала Элизабет. – Может, у нее дома случилось какое-нибудь несчастье? Что-то такое, о чем она стесняется сказать Стиву?

– Не понимаю, что может шокировать больше, чем то, что он уже знает. Всем известно, что ее отец – пьяница, прости Господи. А сестра! Бетси скорее всего или забеременеет, или через год-два попадет в тюрьму. А может, и то и другое.

– Хватит, Джес, оставь Трисию в покое. Она не отвечает за ошибки семьи.

– Тогда зачем она их все время защищает? Если честно, меня иногда просто тошнит от ее готовности прощать своих родственников.

– А о таком понятии, как преданность семье, ты когда-нибудь слышала? – многозначительно спросила Элизабет.

Джессика презрительно фыркнула:

– Я знаю только то, что, когда дело доходит до меня, преданность нашей семье куда-то улетучивается. Похоже, каждый раз, когда я пытаюсь здесь кому-нибудь помочь, я получаю одни оплеухи. На прошлой неделе я просто высказала Стиву предположение, что Трисии нравится другой парень, а он посмотрел на меня так, будто я собираюсь бросить в него ручную гранату.

– Ничего себе, помогла, – пробормотала Элизабет.

Она положила бутерброд на тарелку и отнесла на стол. Джессика поплелась за ней и села рядом.

– Ну ладно, что там дальше? Ты знаешь, почему Стив так ужасно выглядит? В чем дело? Элизабет откусила порядочный кусок от бутерброда.

– Он мне не говорил, но я слышала, как он звонил Трисии. Думаю, ее не было дома, потому что он повесил трубку.

– Спорим, она порвала с ним. Трисия скорее поедет на какую-нибудь бурную вечеринку, чем будет общаться с тем, кто ничем, кроме колледжа, не интересуется. Она прямо как Бетси.

– При чем здесь Бетси? – Насколько Элизабет понимала, Трисия совсем не была похожа на старшую сестру.

Действительно, Бетси имела одну из худших репутаций в городе.

– Ты же знаешь, как это бывает. Они ведь сестры, а у сестер много общего, – неуверенно заключила Джессика.

– Надеюсь, это не так, иначе я пропала, – засмеялась Элизабет.

– Ну вот, опять. – Джессика надулась. – Меня здесь никто не ценит. Когда-нибудь, когда я стану богатой и известной, ты пожалеешь, что не была ко мне добрее.

Элизабет засмеялась:

– Мы любим тебя, глупая! Разве этого недостаточно? И, чтобы показать, насколько я тебя ценю, – вот, можешь доесть мой бутерброд.

Джессика посмотрела на корочку хлеба, которая лежала на тарелке у Элизабет.

– Гм, большое спасибо. Я потрясена вашей щедростью.

– А что ты хотела? Чек на миллион долларов?

Джессика задумалась:

– Для начала это было бы неплохо. Ты знаешь, я подумала, может, ты одолжишь мне свои красные туфли на вечер. Сегодня я встречаюсь с Эроном Далласом, и мы...

Элизабет не дала ей закончить:

– Категорически, решительно нет! Последний раз, когда ты брала их, то порвала ремешок, и мне стоило шесть долларов его починить. Ты мне так и не вернула деньги.

– Я не забыла. Я собиралась тебе заплатить. Все до цента. Разве я не обещала?

– Да-а, полгода назад.

– Хорошо, в этот раз я обещаю, что верну с процентами. Ну, теперь я могу их взять?

Элизабет не хотела уступать:

– Нет, Джес, прости.

– В таком случае мне придется идти босиком. И в конце концов я наступлю на стекло и буду истекать кровью, пока не умру. А виновата будешь ты. – Джессика с обиженным лицом поднялась со стула. – Если ты можешь жить, когда у тебя на совести...

Элизабет расхохоталась:

– Ладно, бери. Такой монолог заслуживает награды. Если честно, Джес, Голливуд не подозревает, что теряет. Ты могла бы получить «Оскара».

– А когда получу, то непременно поблагодарю свою любимую щедрую сестричку за то, что у нее такой же размер обуви, что и у меня. – Джессика рассмеялась и, наклонившись к сестре, шутливо шлепнула ее по руке.

Позже, в тот же вечер, Элизабет собиралась на свидание с Тоддом Уилкинзом, ее приятелем. Он был звездой школьной баскетбольной команды. Она представила себе его теплые карие глаза, сдержанную, одними уголками губ улыбку. Натягивая через голову темно-синее платье-майку, она улыбнулась. После стольких лет знакомства мысль о нем все еще доставляла ей приятное волнение.

Вскоре Джессика, пританцовывая, вошла в комнату и начала рыться в ее шкафу в поисках красных туфель.

– За обедом Стив и двух слов не произнес. Эта история с Трисией действительно выходит из-под контроля. Надо что-то делать...

Элизабет предупредительно посмотрела на сестру:

– Не вмешивайся, Джес. Если Стиву понадобится наш совет, он скажет.

Как будто его звали, в открытую дверь вошел Стивен.

– Никто не видел мои ключи от машины? – спросил он.

При росте метр восемьдесят два, Стивен казался гораздо выше сестер. У всех троих был здоровый, цветущий вид, но Стивен совсем не был похож на них. Стройная атлетическая фигура, волнистые каштановые волосы и темные глаза – копия их отца в восемнадцать лет.

– Стив, у тебя что, свидание? – заговорила Джессика.

– Я хотел поехать навестить Трисию. Когда я звонил, ее не было дома. Сейчас она, должно быть, уже вернулась.

– Ты разве не говорил ей, что приедешь домой на выходные?

Стивен нахмурился:

– Она знает, что я приезжаю домой почти на каждые выходные. И мне никогда не нужно было специально ей об этом говорить.

– Да, понимаю. – Джессика взяла расческу Элизабет и принялась водить ею по волосам с показной непринужденностью. – Может, у нее создается впечатление, что ты воспринимаешь все как должное. Понимаешь, ты просто рассчитываешь, что она всегда будет твоей.

– Ко мне и Триш это не относится, – возразил Стивен, – мы любим друг друга.

– Ну-ну, но ты же сказал, что последнее время она ведет себя как-то сдержанно.

Элизабет поспешила брату на помощь.

– Может быть, у нее что-то случилось дома? – предположила она, укоризненно взглянув на сестру.

Джессика передернула плечами:

– Подумаешь! У них всегда что-то происходит.

С обеспокоенным видом Стивен опустился на кровать.

– Если что-то и случилось, то почему она не хочет говорить, в чем дело? – Он отрешенно уставился на свои руки. – Все бы отдал, чтобы узнать, что произошло...

– Может быть, это она воспринимает тебя как нечто привычное, – сказала Джессика, ловко переменяв направление разговора. – Она знает, что заполучила тебя, и ей незачем больше об этом беспокоиться.

– Трисия не такая. Ты не знаешь ее так, как я.

– Если ты так хорошо ее знаешь, тогда я не вижу, в чем проблема? Я считала, что у людей, у которых такие близкие отношения, нет секретов друг от друга...

Было видно, что Стивен тоже так думал. И вероятность того, что он переоценил чувства Трисии к себе, была для него сильным ударом.

– Думаю, она мне скажет, что случилось, как только сможет, – сказал он, но в голосе не прозвучало особой надежды.

Джессика прищурилась.

– Может, здесь дело не в чем-то, а в ком-то? – хитро предположила она.

– Послушай, Джес, – вскипел Стивен, – если ты собираешься говорить, что Трисия тайком от меня гуляет с другим, я не хочу этого слышать. Она не сделала бы ничего подобного...

Джессика лукаво улыбнулась:

– Как знаешь, старший братик!

– Ведь если бы кто-то был, я бы знал это! И их бы видели вместе.

– Конечно, может, ты и прав, – согласилась Джессика. – Ласковая Долина – маленький город. Такие вещи не могут вечно оставаться в тайне. Но, Стив, – ласково добавила она, – мне показалось, ты сказал, что Трисия не такая?

Стивен густо покраснел. Элизабет пристально посмотрела на сестру, подошла к Стивену и обняла его за плечи. Она не могла видеть своего брата таким несчастным.

– Глупо сразу же делать выводы, – сказала она. – И я согласна с тобой, Стив. Трисия не такая, чтобы обманывать тебя за твоей спиной. К тому же, зачем ей нужен кто-то другой? Она любит только тебя.

Стивен нахмурился еще больше:

– Я тоже так всегда думал. Но именно сейчас я не уверен. Что-то изменилось. Что – не знаю, но я это выясню. – Он встал, решительно вскинув голову. – Сегодня же вечером.

2

От уютного дома Уэйкфилдов, построенного в фермерском стиле и расположенного в красивом, зеленом районе Ласковой Долины, до более бедной части города, где жили Мартины, было всего несколько километров. Но для Стивена это был совершенно другой мир. Фары машины высвечивали выброшенные банки, осколки стекла, которые захламляли заросшие обочины неровной дороги.

Он остановил машину возле неухоженного, облезлого дома. Дом Трисии. При этой мысли он, как обычно, испытал внезапную острую боль. Хорошая, милая Трисия, несомненно, заслуживала гораздо большего, хотя он ни разу не слышал, чтобы она жаловалась.

Он стоял перед дверью и ждал, пока откликнется на его стук. На душе было тяжело от дурного предчувствия. Дома ли она? Захочет ли его видеть? Когда он позвонил, ее отец ответил, что не знает, где она и когда вернется. Странно. Трисия знала, что он приедет на выходные домой. Обычно он звонил ей в пятницу днем, как только приезжал, а она всегда отвечала после первого или второго звонка. У нее слегка перехватывало дыхание, будто ей пришлось бежать, чтобы снять трубку. Услышав его «Привет!», она радостно смеялась. По крайней мере, так было совсем недавно.

Скрипнули ржавые петли, и дверь открылась. На фоне голубовато-серого излучения старого телевизора, шатаясь, стоял мужчина. Его нижняя рубашка, заправленная в старые, мешковатые штаны, была вся в пятнах. От него сильно пахло спиртным. Стивен весь сжался, даже когда попытался изобразить на лице приветливую улыбку.

– Здравствуйте, мистер Мартин. А Трисия дома?

Отец Трисии прищурился, как будто пытался сосредоточить на Стивене взгляд.

– Да, здесь, – невнятно произнес он. – Но она не сможет к тебе выйти. Извини, Стив, она занята.

У Стивена было такое чувство, словно ему сильно ударили под дых.

– Где она? – спросил он. – Мне надо с ней поговорить.

– Она у себя в комнате, но просила передать, что...

Стивен не дослушал. Рассерженный, он отстранил мистера Мартина и направился прямо в комнату Трисии. Дверь была закрыта, но он и не подумал постучать. Он ворвался в комнату. Трисия подняла на него свои большие испуганные глаза. При виде ее вся злость Стивена куда-то улетучилась. Она была такая красивая: восхитительные черты лица, нежная кожа, светлые рыжеватые волосы. Она напомнила ему фарфоровую куколку. Раньше он не замечал ничего кукольного – ни в том, как вспыхивали огоньки в ее сверкающих голубых глазах, ни в ее быстрых, изящных движениях.

– Стив... – Ее тонкая рука взметнулась к губам, но больше ничто не выдало ее чувств. – Я... я хотела позвонить и сказать тебе, что... – Она виновато покосилась на чемодан, который лежал на кровати. – Я собираюсь уехать из города на уик-энд.

От этих слов Стивен как будто врезался в бетонную стену.

– Это как – то неожиданно...

– Извини, Стив. – Она говорила так тихо, что ему пришлось напрячь слух, чтобы слышать ее слова.

– Дело в том, что... кое-что произошло. Мне действительно жаль. Я знаю, что должна была сказать тебе раньше.

Он посмотрел на полусобраный чемодан.

– Куда ты едешь?

– Я же сказала. Уезжаю из города.

– Куда именно? Ну отвечай же, Триш. Ты говоришь со мной, со Стивом. Помнишь такого? Парень, в которого ты, кажется, была влюблена. Господи, что здесь происходит? Ты неделями избегала меня, а теперь вот это. – Он сердито указал на чемодан. – Я с трудом понимаю, что здесь происходит. Это все похоже на ужасный сон.

На ее бледном лице двумя яркими пятнышками вспыхнул румянец.

– Думаю, это так и есть, – сказала она уставшим голосом.

– Что – это? – Стивен смутился.

– Ты должен расстаться со мной. Не беспокойся, Стив, я понимаю. Я... я уверена, что так будет лучше.

– Подожди. О чем ты говоришь? Я никогда не говорил, что хочу расстаться с тобой. Триш, я люблю тебя, и все, что мне надо, – это хоть какое-то объяснение. – Он схватил ее за плечи. – Почему ты не можешь сказать, что происходит? – нежно спросил он. – Разве ты не достаточно доверяешь мне, чтобы сказать?

Она наклонила голову. Волосы упали на лицо, скрыв его выражение.

– Ничего не случилось. – Ее голос прозвучал безразлично. – Просто недавно я подумала: может, мы не должны так часто видеться? Послушай, ведь большую часть времени ты проводишь в колледже. Я уверена, что там достаточно девочек, с которыми ты мог бы встречаться.

– Ты единственная, кто мне нужен, – резко возразил он.

Его глаза наполнились слезами.

– Если... только...

Она вскинула голову. Странный блеск вспыхнул в ее глазах.

– Если что?

– Триш, ты пытаешься мне сказать, что устала от меня? Что хочешь встречаться с другими парнями?

Пока она не вздрогнула, он не заметил, как сильно сжимал ей плечи.

Она не ответила. Она просто стояла и как-то странно смотрела, словно сжигала его глазами. Вдруг Стивен понял, что то, чего он так боялся все это время, оказывается правдой. Он почувствовал, как в нем снова нарастает раздражение.

– Ты познакомилась еще с кем-то, не так ли? И уезжаешь с ним на уик-энд? Это то, что ты не хочешь мне сказать, да?

Трисия стояла бледная и безвольная, лишь слабая дрожь пронизывала ее с головы до ног. Она не произнесла ни слова.

Стивен смотрел на нее и не мог в это поверить. Наконец он сказал:

– Я верил тебе. Я любил тебя и думал, ты тоже любишь меня. Господи, Трисия, если бы ты только знала, что я сейчас чувствую! Как будто я наполовину мертв...

– Стив, так будет лучше, – произнесла она механически.

– Да-а, готов поспорить, что это так. Для тебя. – Он резко отпустил ее и отвернулся.

Ему надо было уходить. Он чувствовал себя так, словно его избili.

– И еще одно, – сказал он с горечью. – Кто бы он ни был, пожелай ему от меня удачи. Надеюсь, ему повезет больше, чем мне.

Трисия вздрогнула, как от пощечины, но даже не попыталась его остановить. И только когда услышала, как с шумом захлопнулась входная дверь, одно слово, похожее на выдох, полусшепот, полустон, вырвалось у нее: «Стив!»

Как подкошенная, она упала на кровать. Ее колотил озноб. В то же время, прижимая руки к щекам, по которым текли слезы, она чувствовала, что лицо горит. И хотя комната освещалась яркой лампочкой без плафона, Трисии казалось, что все вокруг было заполнено движущимися тенями, подступавшими все ближе и ближе...

Ее кулаки были сжаты так сильно, что она чувствовала, как ногти впиваются в ладони.

«Не могу ему сказать. Лучше, чтобы он не знал правду. Пусть думает, что я обманывала его. Пусть лучше ненавидит меня».

Но сознание того, что она поступает правильно, несколько не облегчало ее страданий. Все чувства, которые она сдерживала, чтобы не причинить Стивену боли, теперь вылились в безудержные рыдания. Ей казалось, что любовь словно вырывали из ее души, взамен оставляя пустоту.

Трисия не думала, что так тяжело будет потерять Стивена. Какую боль она причинила ему! Это было слишком тяжело вынести. Это все, что она могла сделать, чтобы при встрече не расплакаться и не открыть правду.

«Но правда только еще больше причинила бы ему боль», – с горечью подумала она.

Слова врача все еще звучали у нее в ушах:

«Мы сделаем все, что в наших силах, но, как правило, сказать что-либо определенное можно лишь после пяти-шести месяцев лечения...»

Тогда она не поверила, но в конце концов смирилась. Лейкемия. Какое отвратительное слово, и как ужасно звучит! Оно преследовало ее большую часть жизни, с тех пор как от этой болезни умерла ее мать. В то время Трисии было девять лет, но она все еще помнила те мрачные, ужасные дни: слабо освещенная спальня, запах лекарств, измученное лицо матери на подушке. Мать всегда была такой жизнерадостной, улыбчивой, а перед смертью превратилась в скелет с лишенными выражения глазами. Она умерла, и из их жизни словно исчез свет, особенно для отца. Взять себя в руки он не смог. Боль могло заглушить только спиртное. Он так сильно любил свою жену, что что-то умерло в нем вместе с ней. Жить в одиночестве, без нее, он не мог.

Трисия не хотела, чтобы то же случилось и со Стивеном. Будет лучше, если он разлюбит ее. Пускай думает, что она уезжает на выходные с другим. Если бы он знал правду, что ее кладут в больницу на лечение, это убило бы его. Он бы еще больше привязался к ней. А «измену» он переживет.

Мысль о том, что она потеряла его, была такой же ужасной, как и та, что она умирает. Но если ты кого-нибудь истинно любишь, то свои чувства должен принести в жертву. И это была ее жертва. Ее подарок Стивену. Последний подарок.

3

Как только автобус тронулся, Кара Уокер скользнула на сиденье рядом с Джессикой. За окном медленно проплывала школа Ласковой Долины: фасад с белыми колоннами, часы в романском стиле, широкая зеленая лужайка.

– Это правда? – спросила Кара.

В ее карих глазах блеснула надежда. Придвинувшись поближе к лучшей подруге, она перекинула свои гладкие темные волосы через загорелое плечо.

Джессика оторвалась от журнала, который читала:

– Что – правда?

– Ты-то знаешь, – нетерпеливо ответила Кара. – Про Стива и Трисию. Это правда, что они расстались?

– А-а, это. Да, это правда. Правда и то, что Стив бросил ее.

– Стив бросил ее?!

– Конечно, – раздраженно ответила Джессика. – Неужели ты думаешь, что моего брата бросит какая-то Мартин!

– Нет-нет, конечно, нет. – Кара даже ближе придвинулась, чтобы не пропустить ни одного радостного для нее слова. – Как это случилось? Я хочу, чтобы ты мне все рассказала!

Джессика улыбнулась. Кара была ее лучшей подругой, но кроме этого – одной из самых больших сплетниц в школе. Она не сомневалась, что все, что она скажет Каре, завтра же станет известно всем на свете. И тогда у Джессики будет шанс убедить Стивена не менять решения и не возвращаться к этой противной Трисии. Кроме того, она знала, что Стивен интересуется и саму Кару. Она, кажется, всегда была от него без ума. Может, и это тоже удастся устроить.

– Я не знаю подробностей. – Джессика заговорила тише. – Я только знаю, что Трисия окончательно в пролете. Так сказал мне сам Стив. Ну и хорошо, что избавились! Может, теперь Стив найдет себе подружку из приличной семьи. Так, для разнообразия.

Кара притворилась, что ее ужасно интересуется кусочек поролона, который торчал из прорезанного сиденья.

– Кто-нибудь уже есть на примете?

– Пока нет, но я уверена, это не займет много времени. В конце концов, Стив не такой уж урод.

Кара вскинула голову:

– Ты что, шутишь? Твой брат – классный парень. Я бы мечтала... – Она прикусила губу.

– О чем бы ты мечтала? – Бирюзовые глаза Джессики озорно блеснули.

Кара сильно смутилась:

– Ничего. Это я так.

– Ну давай, Кара! Почему ты не признаешься?

– В чем не признаюсь?

– В том, что ты до смерти хочешь, чтобы Стивен был твоим парнем!

– Я никогда не говорила, что до смерти хочу гулять со Стивом, – ответила она, защищаясь.

– Да, если не считать первой тысячи раз. Глупая, даже если ты и не говорила, это написано у тебя на лице.

Инстинктивно Кара закрыла лицо руками.

– Ой, Джес, неужели это так заметно? Ты думаешь, Стив знает?

– О Стиве не беспокойся. Сейчас он не заметит, если даже наскочит на кирпичную стену.

Кара вздохнула:

– Ничего себе. Это значит, я должна ударить его по голове, чтобы он заметил меня?

– У меня возникла идея получше. Не забывай, что у тебя есть секретное оружие.

– Какое еще секретное оружие?

– Я! – Улыбка Джессики превратилась в ослепительный оскал. – Если я буду на твоей стороне, Стивен не устоит.

Ошеломленная Кара отпрянула назад:

– Вот это да! Даже не верится. Наконец-то! Только представь, что я хожу на все школьные вечеринки с твоим отпадным братом!..

Джессика состроила гримасу:

– Я как-то не могу назвать Стива отпадным. Милый, привлекательный – да, но не отпадный.

– Это потому, что он твой брат. Я тоже не считаю своего брата потрясающим.

– Твоему брату только тринадцать. В таком возрасте не бывают интересными.

– Черт, чуть не забыла тебе сказать, – сказала Кара, когда автобус остановился перед светофором. – Ты слышала, что произошло с Джереми Фрэнком?

– Ты имеешь в виду того самого Джереми Фрэнка?

– А какого ж еще?

Все в Ласковой Долине, кто смотрел местные телепередачи, знали, кто такой Джереми Фрэнк. Он был ведущим популярной передачи «Разговор по душам». Ко всему прочему он был высокий, темноволосый, с самыми неотразимыми голубыми глазами, какие только потрясали зрителей со времен Пола Ньюмена. Почти все девчонки в Ласковой Долине были влюблены в него. Джессике повезло, одной из немногих, – она видела его «живьем». Она узнала его, когда однажды выходила из магазина, и чуть не выронила пакет с бананами. В жизни он был даже еще красивей.

Кара вздохнула:

– Это так трагично.

– Только не говори, что он женился! – в панике закричала Джессика.

Она не представляла себе большего несчастья.

– Слава богу, нет. Не так ужасно, но...

– Уф, – выдохнула Джессика. – Ты на минуту заставила меня поволноваться. Так что случилось?

– Он сломал ногу и лежит в больнице.

– О нет! Это ужасно. Как это случилось?

– Он врезался в дерево, когда катался на лыжах. Все это я слышала от Джени Макбрайд. Она сестра милосердия в Фаулерской больнице. Она даже взяла у него автограф. Да-а, все бы отдала, чтобы поменяться с ней местами. Везет же некоторым!

– Ты не забывай, – быстро напомнила ей Джессика, – что не должна думать о других мужчинах. Ты бережешь себя для Стива. А я свободна и могу делать, что захочу, – тихо прибавила она, представляя красивое лицо Джереми Фрэнка.

Кара подала ей гениальную идею.

– Как я могу сохранять себя для кого-то, кто даже не знает о моем существовании? – застонала Кара.

– Узнает, узнает. Предоставь это мне, – убедила Джессика подругу, хотя в это время думала о другом.

Теперь, уверенная, что Джессика поможет ей завлечь Стивена, Кара перешла к другой теме. Она была словно фонтан информации о последних событиях в Ласковой Долине. Фонтан, который никогда не иссякнет.

– За обедом я слышала кое-что интересное, – прошептала она. – Лила сказала мне, что в особняк Годфреев переезжает новая семья. По ее словам, они сказочно богаты. И у них есть

восемнадцатилетний сын. Она говорит, он по-настоящему классный парень. Интересно, какая у него машина?

Джессика перестала мечтать о Джереми и стала вникать в слова Кары.

– Как их фамилия? – спросила она.

– Что-то на «М». Кажется, Морроу. Джессика слышала, как ее отец упоминал это имя, – возможно, потому что Нед Уэйкфилд был адвокатом Моргана Годфрея, пока тот не умер несколько лет назад, и до сих пор занимался его имуществом. В особняке Джессика была только один раз, но он произвел на нее неизгладимое впечатление. Это был самый громадный дом в Ласковой Долине, даже больше, чем дом Фаулеров. Вообще-то, он больше был похож на дворец, чем на особняк: мраморные арки, внутренний бассейн, комнаты для прислуги. И сама мысль, что приезжает новая семья, была захватывающей. Для себя она решила выудить из отца побольше информации, когда увидит его.

Когда автобус остановился на ее остановке, Кара вскочила:

– Я выхожу. Звякни мне попозже, хорошо? Мне не терпится узнать, какой план ты готовишь для меня и Стива.

Через две остановки Джессика тоже вышла из автобуса и помчалась домой. Ее мозг напряженно работал. План «как свести Кару со Стивеном» мог подождать. Сейчас она обдумывала кое-что более важное, но ей нужна была помощь Элизабет.

Она нашла сестру в спальне на втором этаже. В те дни, когда Тодд подвозил Элизабет, она всегда возвращалась из школы раньше.

Джессика завалилась на кровать своей сестры, разбросав статьи, которые Элизабет редактировала для школьной газеты «Оракул». Затем тяжело вздохнула и заявила:

– Жизнь не имеет смысла.

Элизабет восприняла это заявление ничуть не удивившись. За шестнадцать лет она притерпелась к сценическим способностям сестры.

– Джес, о чем ты говоришь? – спросила она.

Джессика перевернулась на живот и подперла подбородок руками.

– Я хочу сказать, что в нашей с тобой жизни нет смысла. Лиз, ты когда-нибудь задумывалась над тем, как скучна и бессмысленна наша жизнь?

– Кажется, что нет, – ответила Элизабет с ноткой удивления в голосе. – Да и как моя жизнь может быть скучной, когда ты рядом?

Джессика продолжала дальше, словно не слышала слов Элизабет.

– Мы живем ограниченной жизнью, – трагически продекламировала она. – Мы только ходим в школу и больше ничего не делаем. Ничего важного и полезного.

Элизабет улыбнулась:

– Хочешь сказать, что Джессика Уэйкфилд думает о чем-то более стоящем, чем широкие плечи и голубые глаза?

Джессика издала еще один глубокий вздох и закатила глаза.

– Если честно, Лиз, не понимаю, как ты можешь смеяться над этим. Я совершенно серьезно.

Собирая в стопку статьи, Элизабет бросила на сестру пронизательный взгляд:

– Ну хорошо, Джес, кто он на этот раз?

Эту песню Джессики она слышала уже столько раз, что не могла сосчитать. Всегда существовал какой-то мальчик, и Джессика клялась, что не может без него жить. Жизнь без него не имела смысла, даже если в это время полдюжины других парней вовсю обивали порог их дома, чтобы встретиться с ней.

– Как можно быть такой глупой? – возмущенно заявила Джессика. – Это не имеет никакого отношения к парням. Я говорю о том, чтобы несколько часов в неделю уделять больным людям.

– Что? – Элизабет уставилась на сестру, как будто та только что заявила, что собирается выставить свою кандидатуру на президентских выборах.

– Лиз, я думаю, мы должны записаться в сестры милосердия в больницу.

– Ты в своем уме, Джес?

– Что в этом такого безумного?

– Ничего. Просто я никогда не подозревала, что тебя так... волнуют больные люди.

– Как ты можешь так говорить? Разве ты не помнишь, как мы последний раз смотрели «Историю любви» по телевизору? Я так плакала, что извела целую упаковку салфеток. И это только за первую серию.

Элизабет вздохнула:

– Думаю, я никогда этого не забуду.

После этого Джессика неделями притворялась, что испытывает головокружение, когда кто-нибудь из нравящихся ей мальчиков подходил к ней. Она надеялась, что он примет это за какую-нибудь редкую неизлечимую болезнь. И прекратилось это лишь тогда, когда она сыграла свою роль перед Томом Маккеем и он заявил:

«Надеюсь, что твоя болезнь не заразна!»

– Ну так как? – спросила Джессика. – Ты согласна?

– Не знаю, – сказала Элизабет. – Я ужасно занята... и потом – газета, ну и все прочее.

– Но ведь для нас это потрясающая возможность спасти жизни! Ты только подумай! Как ты можешь отвергать всех этих несчастных больных?

– Я никогда не слышала, чтобы сестры милосердия спасли кому-нибудь жизнь, – сухо заметила Элизабет. – Насколько я знаю, они только бегают кругами, разнося журналы, и вообще следят за тем, чтобы никто ни в чем не нуждался. Кроме того, ты можешь обойтись и без меня. Если ты так уж жаждешь стать сестрой милосердия, почему бы тебе не записаться одной?

– Ну, пожалуйста, Лиз! Без тебя это будет не то. Мы всегда все делали вместе. К тому же отец больше тебе доверяет водить «фиат», чем мне.

– А-а, ну теперь уже понятнее...

– Значит, ты согласна? Ты запишешься? – возбужденно настаивала Джессика.

– Я этого не говорила. Мне надо немного подумать.

– Ты же сама говорила, что люди должны больше служить другим, – льстила Джессика. – И потом, представь, как нам будет здорово. Может, даже научимся делать какие-то процедуры.

Элизабет сдалась, рассмеявшись:

– Ну ладно, ты победила. Если честно, Джес, ты бы стала лучшим адвокатом, чем папа. Если ты сильно постараться, то своими разговорами статую оживишь.

Пронзительно завизжав, Джессика бросилась обнимать сестру.

– Ты не пожалеешь, Лиз. Вот увидишь. Вдвоем это будет потрясающе.

Элизабет покачала головой.

– Не понимаю, как тебе удастся меня уговаривать, – сказала она, улыбаясь.

Она никогда не могла отказать Джессике отчасти потому, что действительно любила свою сестру. С ней было очень весело, не считая тех редких случаев, когда она устраивала какую-нибудь пакость. А сейчас намерение Джессики было похвально и серьезно, и потому, несомненно, требовало поддержки. Ничего подобного за ней раньше не наблюдалось. Добровольно тратить свое время на полезное дело – это благородно. Значит, на Джессику еще есть какая-то надежда. Джессика поцеловала сестру в щеку:

– Не знаю, Лиз, что бы я без тебя делала! Ты самая лучшая в мире сестра.

Но в тот момент Джессика не думала об Элизабет. Ее мысли были с Джереми Фрэнком. Она представляла себя возле его кровати, сжимающей его руку. И он смотрел на нее с благодарностью и обожанием. В своей мечте она только что спасла ему жизнь. Кто-то дал ему не то

лекарство, и он бы умер, если бы она вовремя не позвала врача. Джереми был так благодарен ей, что чуть ли не умолял быть гостьей на его передаче.

– Звучит заманчиво, – сказал мистер Уэйкфилд за обедом, после того как сестры рассказали о своем плане. – Я всегда «за», если это уберезет от пагубного влияния улицы. – Он подмигнул, показывая, что только шутит.

– Это будет замечательным жизненным опытом, – вставила миссис Уэйкфилд. – Я так много узнала в тот год, когда была сестрой милосердия... – Она вздохнула. – Как будто это было вчера. С трудом верится, что моим дочерям сейчас столько же лет.

Легко было представить Элис Уэйкфилд подростком. Она выглядела ненамного старше близняшек. У нее были такие же светлые золотистые волосы и зеленовато-голубые глаза. Несмотря на то, что она занималась дизайном помещений, ее гибкая, загорелая фигура говорила о том, что она старается как можно больше времени проводить на свежем воздухе.

– Завтра после школы мы идем в больницу, чтобы записаться, – сказала Джессика. – Когда я позвонила в отдел кадров, мне сказали, что сейчас им действительно не хватает младшего медперсонала, и потому будут рады добровольцам. И чем их будет больше, тем лучше. Вы только подумайте, скольким людям мы будем помогать! – Но по-настоящему помогать Джессика мечтала только одному человеку.

– Это не только общение с больными, – сказала миссис Уэйкфилд. – Есть и тяжелая работа. Не хочу омрачать вашей радости, но вы должны знать, что вас ожидает.

Джессика нахмурилась, но Лиз не растерялась:

– Немного тяжелой работы нас не убьет, мамочка.

Джессика просияла:

– Конечно, чем больше для людей делаешь, тем больше они ценят тебя.

Миссис Уэйкфилд засмеялась:

– Не всегда. Ты-то не заметила, что я убрала твою комнату. А, Джес?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.